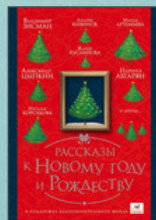

Анастасия Манакова

We Three Kings

*Часть сборника
Рассказы к Новому году и
Рождеству (сборник)*

Анастасия Манакова

We Three Kings

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21992245

Рассказы к Новому году и Рождеству: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-099448-9

Аннотация

«...Юзефова сестра Бронька в подоткнутой мокрой юбке, тяжело покачиваясь, вышла из ворот с корытом мыльной воды, выплеснула воду прямо в середину дороги. Из-за приходского двора, оглядываясь по сторонам, вышел ксендз Немировский в наглухо застегнутом помятом костюме и шляпе, натянутой в этот теплый день до середины ушей, быстро глянул на чумазого Юзефа, сидящего в тени куста, оглянулся на Броньку и поклонился, как говаривал их покойный отец Адам, «бровями». С начала лета, когда в город вошли оккупанты, ксендзу пришлось научиться держать лицо и, как говорит Бронька, «держаться за Бога двумя руками»...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Анастасия Манакова

We Three Kings ¹

*Если пойду я и долиною смертной тени,
Не убоюсь зла, потому что Ты со мной... ²*

Золотое марево висело над раскаленной улочкой, переливалось оттенками, издавало тихие звуки, похожие на стрекот ночных сверчков. Издалека Юзефу казалось, что облако жидкого золота – живое. Что оно, подчиняясь какой-то хаотичной внутренней силе, совершает ленивые движения взад-вперед, раскачиваясь, расплескиваясь, словно мед, жидкими брызгами – то лужицей в пыли дороги, то солнечным зайчиком на воротах дома, то стекая по белой стене маленького, давно не крашенного костела причудливыми пятнами и линиями.

Юзефова сестра Бронька в подоткнутой мокрой юбке, тяжело покачиваясь, вышла из ворот с корытом мыльной воды, выплеснула воду прямо в середину дороги. Из-за приходского двора, оглядываясь по сторонам, вышел ксендз Немировский в наглухо застегнутом помятом костюме и шляпе, натянутой в этот теплый день до середины ушей, быстро глянул на чумазого Юзефа, сидящего в тени куста, оглянулся на Броньку и поклонился, как говаривал их покойный отец Адам, «бровями». С начала лета, когда в город вошли оккупанты, ксендзу пришлось научиться держать лицо

и, как говорит Бронька, «держаться за Бога двумя руками». В первый же день оккупации на двери костела повисла белая бумажка за подписью коменданта и печатью двух мертвых голов, гласившая о том, что любая просветительская деятельность «в национальном духе» будет караться смертной казнью. Службы прекратились, хор мальчиков, особая гордость отца Немировского, был распущен, воскресная школа закрыта, и все, что оставалось делать в эти странные времена, – молиться за закрытыми дверями в темных домах. Единственное, с чем никто не знал что делать, – это природа, смерти и рождения, безостановочный цикл жизни, который не прекращается ни на день. Отец Немировский надевал свой старый городской костюм, прятал под рубашку требник и четки, натягивал на голову шляпу и, оглядываясь ежесекундно, шел туда, где был нужен, – крестить, соборовать, отпевать.

– Пан Немировский!.. – Бронька тяжело распрямляется, держась руками за поясицу, расставляет свои крепкие ноги, облитые солнечным светом так, что кажутся двумя колоннами. – Дайте ж мне белье, что ли? Я бы постирала, что вы ходите весь пыльный, как я не знаю кто.

Ксендз замирает и всматривается в даль, в мелко дрожащий горячий воздух на горизонте. Где-то там железнодорожная станция, и каждый час тишину разрывают гудки идущих составов, которые ворвались в жизнь города в один день и с тех пор идут безостановочным потоком. Что за груз в этих

составах – пока не знал никто, но ксендз каким-то образом чувствовал, что ничего хорошего городу это не сулит. Ни городу, ни ему, ни его такой разной пастве, ни миру в целом ничего хорошего не сулили эти составы, эти звуки, этот запах машинного масла и горящего в топках угля, скрип кожаных сапог, колонны мотоциклов, эти люди, которые вошли на улицы чеканным шагом. В подвале закрытого на амбарный замок костела уже сидели несколько неугодных новому режиму человек. Каждый раз, пробираясь ночью по мощеному двору с мешком скудной пищи в руках, воровато оглядываясь через плечо в гулком отзвуке собственных шагов, ксендз Немировский думал о том, что самое тяжкое в пастырской службе – это, пожалуй, не страх быть убитым, а страх не суметь уберечь то, зачем Господь вообще призвал на эту землю каждого из своих слуг. Страх не справиться с этим долгом довлел над ним, и это приводило его в отчаяние.

– Нет, пани Броня, спасибо. Не хочу утруждать вас, – улыбнулся он, поправил галстук под воротничком и пошел вверх по пустой улице, сутулясь так, как будто не 31 год был ему, а все 70.

– Блаженный какой-то, Езус Мария, – буркнула Бронька, подняла корыто и рывкнула на Юзефа: – А ты что сидишь?!.. Дел нет никаких больше?.. Иди помоги, бездельник.

Юзеф дернул плечом, отвернулся и демонстративно принялся кидать мелкие камушки в стенку. Камушки отскакивали, с нежным шорохом ссыпались в траву, постукивая друг

о друга. Бронька махнула рукой и скрылась за воротами.

Черный камушек отскочил от стены, ударил прямо в середину золотистой лужицы солнечного света в белой пыли дороги. Она внезапно зашевелилась и поднялась с земли ослепительным роем трещащей золотыми крыльями мошкары. Рой на минуту завис как будто в середине воздуха – между белой землей и горизонтом, затем вздрогнул и устремился вверх по улице.

Юзеф стоял и смотрел, как далекая фигурка, почти растворившаяся в зыбком воздухе, бредет навстречу черным мотоциклам, а над головой ее сияет и переливается живое золотое облако.

* * *

– Бронька!.. Бронька!.. Где штаны мои?..

– Какие штаны, наказание господне?..

– Те, что ты стирала вчера?.. Красные!..

– Зачем тебе красные штаны, ирод?.. Ты что, к цыганам собрался?

Хлопья мыльной пены летят по всей кухне, повторяя причудливый танец снега за окном. Юзеф подпрыгивает на одной ноге, зябко ежась в исподнем, – пока бегал от сестры и мочалки, врезался в сначала в дидух³ на столе, потом в печь,

³ Небольшой декоративный сноп из колосков разных злаков. Ставится в угол праздничного стола, символизирует достаток в доме. Иисус родился в Вифлееме,

потом в елку, накололся и начал чертыхаться. Бронька, не оборачиваясь, свободной от теста рукой отвешивает подзатыльник – ах ты ирод, только нехристь черта поминает накануне светлого Рождества Христова. Бронька – она такая. Вся в мать – строгая, хозяйственная, крепкая, во всем у нее должен быть порядок, все на своем месте, включая это самое наказание господне, братца. Иногда Юзефу кажется, что если бы она могла, то сначала два дня стирала бы его, как свои любимые простыни, потом выбеливала, выкрахмаливала, выглаживала бы до сухого скрипа острых сгибов, перекладывала бы лавандой и засовывала, сурово сдвинув широкие черные брови над холодными синими глазами, в большой резной шкаф. И еще кулак показала бы – лежи, мол, не шевелись тут мне. Зря, что ли, сил столько потратила. А он что, он лежал бы – рука у Броньки тяжелая, а характер паршивый, не зря уже двадцать, а она так все в девках сидит. Какой дурак на такой ведьме женится? Хотя все говорят, что Бронька красивая – волосы белые-белые, как льняная скатерть, все в куделях, как у овечки. Но вот характер паршивый, что правда, то правда.

– Что ты пляшешь, ирод? Иди макогон бери и мак тереть начинай!..

Юзеф обреченно вздыхает, тайком утирается углом скатерти и тащится за макитрой. Мак тереть – ненавистное за-

что в переводе означает «дом хлеба», отсюда берет начало традиция ставить в угол рождественского стола дидух или вазу с колосьями пшеницы.

нятие, потому что растереть его нужно в жижу, медленно и вдумчиво, по чуть-чуть досыпая сахару в черную, как смола, маковую кашу. Считается, что тереть мак для рождественских завиванцев⁴ и кутьи – исключительно мужская задача. У женщин полно своей работы в последний вечер Адвента – дом украсить, елку поставить, положить под нее подарки для семьи, приготовить постный стол на Вигилию⁵ и Гвяздку⁶, приготовить заранее пироги и мясные блюда на следующие дни праздника. Мужчины собираются в доме и за долгими беседами трут мак для рождественских угощений, пока вокруг бегают дети, умоляя «дать лизнуть макогона».

Но после смерти родителей их с сестрой осталось только двое, никаких других мужчин в доме нет, поэтому святая маковая обязанность лежит на нем. Вот и приходится долго-долго, пыхтя и сопя, тереть мак, пока Бронька не сунет в сладкую кашу палец и не останется довольна.

Зато после – это Юзеф знает точно – можно быстро натянуть пальто и сбежать на заснеженную улицу, по которой уже потихоньку пробираются маленькие фигурки от дома к дому, разнося последние подарки родне и завершая приго-

⁴ Витой маковый рулет из дрожжевого теста.

⁵ 24 декабря, навечерие перед Рождеством, во время которого проводится первая рождественская литургия в костелах. Вигилийным ужином заканчивается предваряющий праздник пост.

⁶ «Звездочка» – появление первой звезды на ночном небе, символизирующей Рождение Младенца. После встречи Гвяздки, по возвращении со службы, люди садятся за стол.

товления. Юзеф упорно трет мак и думает о том, что уже скоро выскочит за дверь так быстро, что Бронькин половник не успеет достать его макушку, натянет на крыльце сапоги и побежит к самому своему лучшему другу – докторовой дочке Мирке. Только Мирка не смеется над ним и не считает дурачком, она-то знает, что Юзеф просто не любит разговаривать, но любит слушать, поэтому слушать Миркины истории, вычитанные в толстых книгах, которыми набит кабинет ее отца, – одно из самых его любимых занятий. Несмотря на то что доктор и его жена с дочерью в костел не ходят, Мирка любит волшебное рождественское время. И уж она точно самый большой мастер рождественских историй – с такими деталями и подробностями, что дух захватывает. И перед глазами становится картинка – как в темном хлеву, сияя мягким светом, лежит в люльке младенец, согреваемый теплым дыханием осла, растерянный Иосиф пытается разжечь костер, а рядом стоит рыжая, конопатая Мирка и восторженно смотрит в глубь времени своими огромными янтарными глазами.

Юзеф успевает выскочить во двор в тот момент, когда сестра еще только тянется к венику – дать ротозею поперек спины, и, скосив на прощание глаза, несколько секунд приплясывает на пороге, впуская в дом длинные языки снежного ветра.

Бронька опускает руку с веником и вдруг начинает громко, заливисто хохотать, всхлипывая и утирая слезы. Нет сла-

ду с эти мальчишкой. Но до чего ж он похож на их отца – такой же молчаливый, твердолобый, как маленький упорный бычок. Как решил – так и будет. И одновременно сколько в нем мягкой силы от матери! Броньке иногда кажется, что он сильнее ее самой, «солдата Броньки», как в шутку называл ее отец.

Она вздыхает, кладет в середину стола охапку душистого летнего сена и накрывает его белоснежной крепко накрахмаленной скатертью, раз за разом задумчиво разглаживая ее ладонями, пока поверхность не становится идеально ровной. Ставит свечу, расставляет миски, ставит поминальную тарелку – в нее Юзеф, единственный мужчина в доме, будет откладывать по ложке от каждого праздничного блюда. Вилки и ножи завернуты в полотенце и убраны в посудный шкаф – в Вигилию принято ставить стулья и тарелки для тех членов семьи, кого уже нет, и убирать острые предметы – чтобы никто из них не поранился. Она придвигает во главу стола старое отцовское кресло и рядом ставит стул, на котором мать провела столько времени за шитьем, накидывает на него ветхую цветастую шаль. Ставит рядом со столом традиционное ведерко – для домашнего скота. Пять минут стоит, задумчиво глядя на фотографию на стене: мать в кремовом платье с высоким воротничком положила руку на плечо отца в старомодном коричневом костюме, ее непокорные кудри стоят прозрачным нимбом над головой. Рядом нахмуренная голенастая Бронька в дурацкой соломенной шляпке и

маленький ушастый комочек в чепчике и крестильном платице смешно растопыривает ручки.

Она идет в комнату, опускается на колени и начинает шепотом молиться. Матери, которая ждет своего Сына, Сыну, который несет в мир любовь, за всех сыновей и матерей, которые ушли и еще придут. И за брата. И за себя. И за этот тихий город, за сумерки Рождества, которые начали опускаться на землю вместе с густым снегом, за огни, которые начали зажигаться, за людей, которые идут на службу и смотрят в небо и ждут появления звезды.

«Сердце Марии, благословенное среди всех сердец человеческих, молись за нас.

Сердце Марии, со Спасителем на кресте распятое, молись за нас.

Сердце Марии, благодати полное, молись за нас.
Молись за нас».

* * *

— Господи, а жалостливый он какой. Хромой, кривой, слепой, глухой. Что делать-то будем?

— Ну я даже не знаю. Любить, наверное.

В дверь постучали так, что Юзеф подпрыгнул на кровати, стукнулся об изголовье и буквально скатился с нее. Выбежал в кухню и увидел бледную Броньку в ночной рубаше, крепко стиснувшую руки под материной шалью. Они переглянулись. Бронька замотала головой – мол, не смей! Не вздумай открывать! Я тут старшая! Но Юзеф так же молча кивнул головой – я мужчина. Я открою.

Майская темнота была сокрушительно непроглядной, но, когда глаза немного привыкли, Юзеф разглядел у порога пана Казика, помощника ксендза Немировского. Он был бледен, руки тряслись, и белые манжеты рубашки, виднеющиеся в рукавах пиджака, танцевали, как ночные мотыльки. «Что-то случилось», – сразу поняла Бронька, отодвинула брата, вытянула в темноту обе руки и силком втащила ночного гостя в дом. Потом выглянула, покрутила головой, вслушалась в тишину и аккуратно закрыла дверь.

В кухне она усадила Казимира за стол, открыла посудный шкаф, достала бутылку крепкой сливовой настойки, налила до краев стакан и молча поставила перед ним. Он взял стакан и, стуча зубами о стекло, стал пить крупными глотками.

– Немировского забрали, – наконец выдохнул он в пустой стакан и посмотрел на Броньку.

Она достала из шкафа всю бутылку и поставила ее в сере-

дину стола.

– Кто забрал? – спросила, разглаживая руками невидимые складки на скатерти.

– Гестапо, – ответил Казимир и заплакал.

– За что забрали?..

– За то, что отказался облачение снимать. Я совершенно не знаю, что делать, пани Бронислава. Завтра придут за мной. Все знают, что я прислуживаю на литургиях и по-прежнему веду катехизацию. Кто-нибудь им укажет.

Бронька встала и принялась мерить шагами кухню. Потом остановилась, обняла себя двумя руками и о чем-то надолго задумалась – Юзефу даже пришлось ткнуть ее пальцем. Она вздрогнула, взглянула на брата невидящими глазами и вдруг стремительно вышла из комнаты. Через пять минут вернулась с бумажным свертком в руках и положила его на стол рядом с бутылкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.